

Миронова Т. Ю.,

Днепропетровская государственная финансовая академия

О СЛУЧАЕ ОСОБОГО СМЫСЛОВОГО ЭФФЕКТА НЕИСЧИСЛЯЕМЫХ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ В АНГЛОЯЗЫЧНОМ АВТОРСКОМ ТЕКСТЕ

Английские исчисляемые и неисчисляемые существительные одновременно как языковые механизмы и как явления культурно-коммуникативного опыта участвуют в созидании смысла авторского текста, принося свою долю в авторский взгляд, голос, тон, динамизм и т. д. Неисчисляемые существительные, сгущаясь в тексте, производят особый эффект, о чем сразу свидетельствуют все авторские параметры текста.

Ключевые слова: исчисляемость, неисчисляемость, национально-культурные особенности, авторский смысл, авторский взгляд, голос, тон.

Розглянуто англійські незлічені іменники за їх внеском у будову змісту авторського тексту та у зв'язку із авторським поглядом, голосом, тоном, динамікою тощо. Незлічені іменники можуть переважати злічені у тексті, що створює смисловий ефект, який відразу відбивається на авторських параметрах тексту.

Ключові слова: національно-культурні особливості, авторський смисл, погляд, тон, динаміка.

The article deals with uncountable nouns as culture bound linguistic material that is best functionally described with regard the complete text. The author's need for them co-relates with the author's point of view, voice, tone, pace, etc. When uncountables dominate in a text, the content responds to it.

Key words: countables, uncountables, English linguistic and cultural tradition, author's option, point of view, voice, tone, pace.

Постановка проблемы. Англоязычные исчисляемые и неисчисляемые существительные связаны с определенной национально-культурно-лингвистической традицией выражения смысла и, более того, видения вещи материального мира. Авторский текст самым чутким образом отражает любое национально-культурное явление. Исчисляемые и неисчисляемые существительные представляют собой особо интересный материал при исследовании, насколько общий смысл англоязычного авторского текста зависит от употребления тех или иных лингвистических средств.

Данная публикация предлагает сведения, которые собирались и анализировались как один аспект докторского диссертационного исследования на тему: “Коммуникативная перспектива авторского текста”.

Актуальность. Категории неисчисляемости и исчисляемости существительных, неся в себе один из национально-культурных аспектов английской речи, активно участвуют в созидании авторского смысла. Поэтому наблюдение за тем, насколько часто они необходимы англоязычному автору на определенном участке содержания, и какой качественный вклад они совершают в воплощение замысла, помогает уточнить теоретические представления о свойствах англоязычного авторского текста в целом.

Анализ последних достижений и публикаций. Неисчисляемость и исчисляемость существительных уже рассматривались нами в предшествующей публикации как своеобразное отношение к материальному миру в англоязычной среде, которое начинает вырабатываться достаточно рано в жизни ребенка, если он окружен людьми, говорящими на этом языке [2, с. 119 – 126]. Вследствие этого использование неисчисляемых и исчисляемых существительных в англоязычном авторском тексте исполнено смысла, который простирается за пределы каждого отдельного предложения и сказывается на смысле абзаца и более протяженных участков текста. Таким образом, потенциал неисчисляемых и исчисляемых существительных может сознательно использоваться пишущим в оформлении отличительных оттенков авторского взгляда, голоса, тональности и дикции своего текста, о чем уместнее говорить при конкретном анализе относительно законченных авторских фрагментов.

Приближаясь к аналитической стадии нашей работы, следует вспомнить о теоретических воззрениях А. Маслоу [6, с. 290 – 292], которые задали тон всем исследованиям человеческого общения, в частности англоязычного авторского текста. Ориентируясь на это научное течение, мы понимаем письменное авторство как цельный гуманный процесс самопознания, самореализации и соприкосновения с другими. Следовательно, авторский текст предстает как гибкая и стройная смысловая реализация авторского жизненного и коммуникативного опыта лингвистическими средствами. В таком направляемом потоке личной духовности неисчисляемым и исчисляемым существительным суждено функционировать одновременно и в качестве одного из специфических механизмов индивидуального авторского смысла, и как национально-культурное явление англоязычных пишущих.

Когнитивно-коммуникативные представления о тексте гармонично сочетаются с его коммуникативно-лингвистической трактовкой. Значит, текст правомерно рассматривать также как поле лингво-прагматического и контекстно-семантического функционирования лингвистических категорий [1]. Таким же образом организовано и наше наблюдение за английскими неисчисляемыми и исчисляемыми существительными в одном из авторских текстов. Добавим, что учеными уже замечено, как отдельные участки текстов, по национальным традициям оформления документов, более других обнаруживают интересующие нас грамматические формы [7; 10; 12]. Особенности этой области исканий таковы, что текстовые тенденции подобного рода получают достаточное объяснение только по каналам авторского смысла, что мы осуществляем в содержательном анализе избранного фрагмента, выделяя параметры авторства, как-то: авторский взгляд, авторский тон, авторский динамизм и т.д. При таком многоэтапном пристальном изучении конкретного материала, лингвистические средства раскрывают особенности их работы во имя всего текста, что, безусловно, контролируется потребностью пишущего в разных оттенках смысла.

Цель публикации заключается в попытке обобщить конкретные результаты многоступенчатого исследования англоязычного текстового материала по тому смысловому вкладу, который он получает от неисчисляемых существительных. Разумеется, одновременно, освещается методика такого анализа. В итоге, мы ожидаем информацию, которая значительно конкретизирует понимание коммуникативной перспективы англоязычного ав-

торского текста. То, что намеревался выразить написавший текст человек, будет обозреваться через один из общепринятых лингвистических механизмов, т.е. грамматику неисчисляемых и исчисляемых существительных, который, как и все другие в тексте, управляется смыслом, проистекающим из совокупности личностных качеств и жизненного опыта пишущего, другими словами, из явления "авторство текста".

Изложение материала основной части исследования.

Анализируется относительно законченный фрагмент из авторского англоязычного произведения [9]. Для осуществления поставленной задачи мы рассчитываем использовать: а) данные о **простой частотности** интересующего нас явления в избранном текстовом материале; б) **понятийные карты** фрагмента, символизирующие соотношение в разной степени конкретных понятий, заложенных в отрывке нашего изучения; в) **индивидуальные сценарии персонажей**; и, наконец, г) анализ содержания всего текста по **параметрам авторства**. Последний шаг поможет вскрыть потребность данного автора в неисчисляемых существительных для выражения искомого смысла.

Представляется, что такие исследовательские усилия укладываются в рамки коммуникативной и когнитивной лингвистики текста. Следовательно, мы можем полагаться на работы многих ученых, в частности Г.В. Колшанского, о тексте как коммуникативной единице [1], а также на достижения гуманистического подхода к общению, введенного А. Маслоу [6], поскольку в этих первоисточниках подготовлены необходимые взгляды и понятия для достижения всего намеченного в предлагаемой сейчас работе.

Выработанные представления привели к нескольким стадиям анализа англоязычного авторского текста, на которых обнаружились любопытные случаи функционирования интересующих нас лингвистических явлений. При этом оказалось, что авторский текст представляет собой чуткую семантическую ткань, тотчас отвечающую на доминирование в ней неисчисляемости над исчисляемостью. Помимо этого, массивное предпочтение одного из этих англоязычных лингвистических механизмов можно рассматривать как авторский поступок в достижении определенного содержательного эффекта.

Обнаруженный в анализе смысловый ход писателя, позволивший многочисленные случаи неисчисляемых существительных, внешне выглядит отклонением от англоязычной культурно-лингвистической традиции. А именно, многовековой опыт преподавания и практики англоязычного творческого письма, а также выучка в написании университетских исследований и оформлении документов, впечатляют энергичными усилиями не допускать нагромождения неисчисляемых и абстрактных форм или же плавно переходить от таковых в конкретность исчисляемых существительных. Такие старания, считается, придают тексту похвальную стройность и слаженность мысли.

Следующий фрагмент свидетельствует о противоположных предпочтениях англоязычного автора, для чего, несомненно, существуют некие причины, разобраться в которых нам предстоит. Жирный шрифт выделяет неисчисляемые формы, точечное подчеркивание означает дополнительные языковые возможности в передаче расплывчато-неопределенного смысла.

1.1. Иллюстративный материал: отрывок из оригинального текста

- (1) "'The *spirit* of Paris,' B. said, touching her hand on the table. American *division*. What 'll it be to drink?'"
- (2) '*Tea*, please. I'm so glad to see you.'
- (3) '*Tea?*' B. made a face. '*Anything wrong?*'
- (4) '*No*, Ch. shook her head. '*I just want tea.*'
- (5) '*That's a hell of a drink to welcome a traveler home on.*' B. said.
- (6) '*With lemon, please*,' Ch. said.
- (7) B. shrugged, and ordered one tea from the waiter.
- (8) '*How was E?*?' Ch. asked.
- (9) '*Was I in E?*?' B. stared at Ch., enjoying her face.
- (10) '*That's what it said in the papers.*'
- (11) '*Oh, yes*,' B. said. '*A new world struggling to be born*,' he said, his voice deep and expert. '*Too late for feudalism, too early for democracy.*'" [9, с.628].

В этом фрагменте, объемом приблизительно на 500 символов, 12 случаев неисчисляемых существительных. Более того, кроме названной категории, в разной мере неопределенным смыслом обладает ряд других грамматических форм, использованных в этом же месте с той же целью, как-то: инфинитив, безличное "it", неопределенное местоимение, пассивный глагол, собирательное множественное число, восклицание. Для чистого соотношения, извлечем из анализируемого отрывка все, что не несет переводимый смысл, т.е. пунктуацию, служебные слова и пробелы. Получаем следующий исследовательский документ.

1.2. Иллюстративный материал: экспериментально препарированный текст

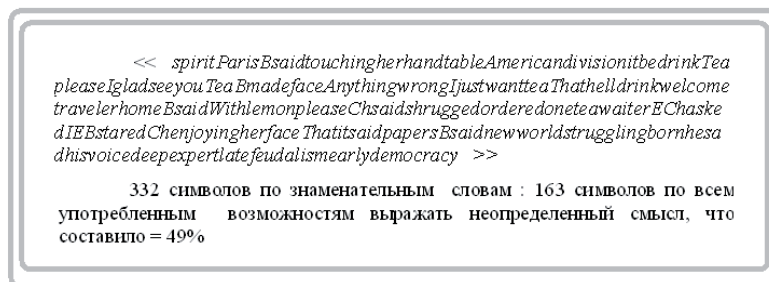

Рис 1. Карта условного соотношения массы смылоснесущих знаменательных слов относительно массы слов со смыслами, тяготеющими к неопределенности.

Возникает вопрос, зачем англоязычному писателю, профессионально владеющему пером, допускать такой каскад неисчисляемости, подкрепленной другими грамматическими формами, подобным образом не отличающимися конкретным смыслом? Ведь тем самым его текст, в духе английского понимания творческого письма, теряет ясность и стройность содержания. Об этом не мог не знать автор.

Воздерживаясь от преждевременных выводов, продолжим наблюдения в некоторых дополнительных видах содержательного анализа, показывающих “семантическую анатомию” избранного отрывка.

1.3. Карты абстрактных / собирательных и конкретных понятий для разных персонажей

Составляя подобные аналитические документы, мы получаем возможность наблюдать степень потребности англоязычного писателя в понятиях, которые выражаются неисчисляемыми существительными в сочетании с другими грамматическими возможностями в области неопределенно-расплывчатого смысла. Данный текстовый фрагмент, представленный буквенными символами, сигнализирующими об использовании писателем абстрактных/собирательных и конкретных понятий, слагает предлагаемую далее конфигурацию. При этом понятия, маркированные как конкретные могут включать также те, которые передают речевое и неречевое поведение персонажей, для чего имеется “*курсивноподчеркнутое К*”, и те, которые означают конкретные вещи с “прямым К”.

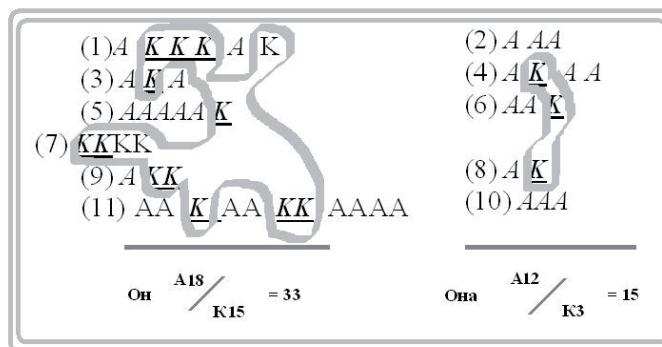

Рис. 2. Карта сравнения преобладающих конкретных коммуникативных проявлений персонажа “Он” с речевым поведением персонажа “Она”, главным образом, высказывавшегося абстрактно или отдаленно и туманно.

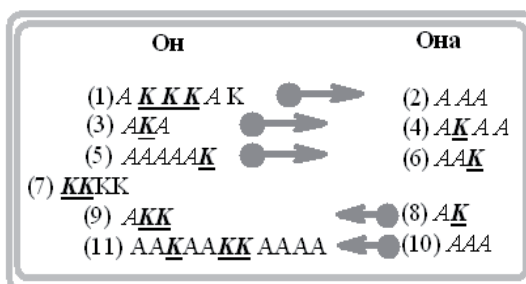

Рис. 3. Карта сравнения речевой инициативы персонажей, что обозначено уходящей стрелкой, и ситуативного реагирования, отмеченного обращенным острием. Персонаж “Он” более конкретен и активен в обращении, чем персонаж “Она”.

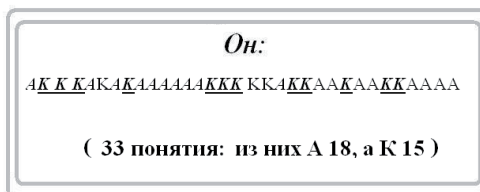

Рис. 4. Карта реплик “Он”: чередование абстрактных понятий “А” с конкретными “К”

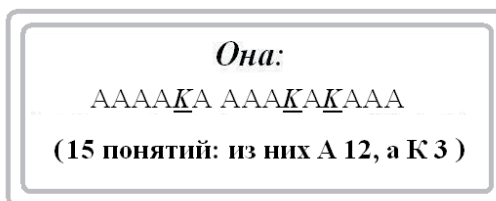

Рис. 5. Карта реплик “Она”: чередование абстрактных понятий “А” с конкретными “К”.

Как это видно по *Рис. 2 – Рис. 5.*, персонаж “Он” значительно чаще прибегает к конкретным понятиям, это совпадает с его речевой инициативой. Персонаж “Она”, наоборот, предпочитает неопределенность и больше уступает инициативности, чем ее проявляет.

Данный анализ представил количественную и качественную картину употребления абстрактных и собирательных понятий в избранном англоязычном тексте. Такие результаты не противоречат прямому подсчету 12-ти случаев употребления неисчисляемых существительных в исследуемом материале. По сравнению с другими текстами, что изложено в еще одной статье, находящейся в данный момент в издательской работе, такая повышенная частотность неисчисляемых существительных впечатляет. Более того, это кажется, с первого взгляда, противоречит развиваемой в публикации [2] теме про английскую культурно-лингвистическую традицию избегать употребления большого количества неисчисляемых, а при их необходимости в тексте переходить в дальнейшем к исчисляемым, дающим конкретный смысл.

Количественные и качественные показатели, представленные в осязаемых схемах (*Рис. 1–5*), обращают на себя внимание. Все же исчерпывающего объяснения этого явления, замеченного в содержании англоязычного текста, пока нет. Представляется, что путь к пониманию лежит через череду содержательных анализов в области авторских параметров, что мы предлагаем далее. Тем временем, последующие сценарии коммуникативных действий каждого персонажа обеспечат точку опоры для такой обработки материала.

2.1. Сценарий активных коммуникативных действия персонажа “Он”

<<1. Отмечает ее эффектную внешность... его обращенные к ней слова... его прикосновение... слова о ней как соотечественнице ... хочет знать ее выбор напитков этого вечера; 2. Удивление ее легкому повседневному напитку... неодобрение мимикой... подозрение о препятствиях в отношениях; 3. Напоминание о традициях встречать путешественников... его обращенные к ней слова; 4. Его движение плечами, характерное для непонимания... его уступка ее выбору напитка; 5. Его удивление ее выбору безличной темы ... он пристально рассматривает ее лицо, которое ему нравится; 6. Его легкое согласие о неважных в тот момент вещах; 7. Его пародия на официальный тон международных сообщений... неофициальное звучащее мнение о социальных явлениях (A18 /K15)>>.

2.2. Сценарий активных коммуникативных действия персонажа “Она”

<<1. Выбор спокойного повседневного напитка; 2. Общая фраза приветствия; 3. Уклончиво о том, что нет сложностей в их хороших отношениях; 4. Спокойная настойчивость в выборе простого напитка вместо более праздничных и привычных для них при подобной встрече; 5. Отклоняет укоризненную шутку, продолжая настаивать на чае, укрепляя свое мнение деталями, какой чай; 6. Прямо обращается к нему... задает безличный далекий от цели встречи вопрос; 7. Прямо обращается к нему; 8. Безлично ссылается на официально опубликованные сведения о нем (A12 /K3)>>

Наблюдения на этапах 1.1 – 1.3. (с *Рис. 2 – 5*), а также 2.1. – 2.4. дают основания судить о представленных людях как о выразителях характерного содержания в их специфической проблемной ситуации. А вернее, мы можем видеть в персонажах “Он” и “Она” двух творцов как бы соприкасающихся, но отдельных историй, каждая из которых слагается из совокупности индивидуальных суждений и невербального поведения, состоявшихся в изображенной ситуации общения. Такие персональные проявления в данном произведении, взятые вместе, понимаются, получают писательскую жизненную логику. Так, “Она” повествует собственный “рассказ” на тему, скрывающуюся, но просвечивающуюся в ее речевом поведении, символично названную нами: “Я желаю встречи, но пришла, чтобы **расстаться** с тобой”. Он же, наоборот, сообщает нам историю с условно названной нами темой: “Я пришел на встречу, чтобы **побыть** с тобой”.

2.3. Ролевые колебания позитивных и негативных смыслов в избранном фрагменте.

Вычленив в каждом из упомянутых ролевых “текстов” две ведущие ситуативные мысли, мы получаем своего рода противостоящие “арии”, которые исполняют персонажи. Обе “арии” представляют события в разных ракурсах и касательно только фрагмента нашего наблюдения (См: 1.1.). “Большие сценарии” для каждого лица в диапазоне целого текста, естественно, также можно будет определить. Они прозвучат полнее и с неожиданными элементами смысла при дальнейшем разборе, как всего текста, так и избранного отрывка, в свете авторских параметров. При взгляде на *Рис. 6.*, основные ощущения происходящей ситуации мужчиной и женщиной представлены в заковыченных предложениях. Ниже, символы между двумя острыми скобками означают индивидуальные позитивные или негативные настроения, переживаемые участниками в меру успеха или неуспеха их контакта при встрече.

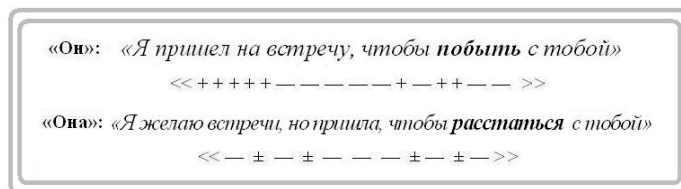

Рис. 6. Колебания смыслов удовлетворенности “+”, неудовлетворенности “-” и скрытой неудовлетворенности “±” при исполнении каждой “арии”.

Как это видно из протоколов ситуативных сценариев 2.1 и 2.2., “Он” творит свой коммуникативный текст достаточно качественно и контактно, стремясь по законам англоязычного мира уходить от неопределенности – к конкретности. Исключением в плане контактности можно считать последние из исследуемых строк (См. : 1.1.; 11 реплика), которые вылились в общие понятия, звучащие как шуливый протест, венчающий все неудачные

попытки и уступки персонажа ради достижения искомой задушевности. Персонаж “Он” искренен, и его текст согласуется с просвещенной англоязычной нетерпимостью к неопределенности высказываний.

Персонаж “Она”, наоборот, “пишет” текст своей ситуативной коммуникативной роли риторически некачественно; разумеется, что при такой оценке ясное изложение мысли остается непреходящей ценностью. Дама грешит неискренностью и потерей великодушия, а слова, которые она произносит, не соотносятся с тем, что ее волнует. Таким образом, писатель сознательно создавал эффект нагроможденной неопределенности.

Даже после этапа изучения текста, открывшего расхождение мыслей и слов женского персонажа как причину наблюдаемой неисчисляемости, нельзя считать данную текстовую ситуацию окончательно объясненной. Исключительно в пределах избранного фрагмента недостаточно понятным представляется, зачем писателю ставить персонаж “Он”, которому он отдает свои симпатии и гуманистический акцент, в коммуникативное нелепое положение. Персонаж “Он” выслушивает со стороны партнера “Она” коммуникативно-неэффективный поток слов, который едва ли его удовлетворяет, и все же не покидает ситуацию общения сразу.

В таких аналитических затруднениях приходят на помощь воззрения А. Маслоу, в соответствии с которыми текст свидетельствует о движении духовности, свойственной человеческой самореализации в соприкосновении с другими людьми. Следовательно, анализ содержания по авторским параметрам, как-то: авторский взгляд, голос, тон, динамика, вкус и позиция, способен проложить прямые пути к изучению заложенного в тексте смысла. Тем самым исследование интересующей нас корреляции языковых средств исчисляемости и неисчисляемости в зависимости от авторской потребности в них получает дополнительный свет.

3.1. Анализ англоязычного фрагмента с учетом авторских параметров

Абсурдное противостояние, лежащее в основе рассматриваемого фрагмента, а именно: “Я пришел на встречу, чтобы *побыть* с тобой” и “Я желаю встречи, но пришла, чтобы *рассеяться* с тобой”, рассеивается, если текст рассматривать по авторским параметрам, слаженно срабатывающим только на всем протяжении с 1 – 191 абзаца. Тогда более обоснованным становится отношение к совокупности реплик и речевому поведению женского персонажа, который еще в большей степени выглядит риторически “некачественно”, поскольку исходный толчок к подобным проявлениям по гуманным меркам недостойный. О соответствующем писательском ходе можно утверждать, что это компетентный прием, поскольку автор знает, как держать под контролем и свои языковые ресурсы, и изображаемую коммуникативную ситуацию, осознавая при этом совместную работу всех составляющих ее компонентов.

3.1.1. Параметр авторский взгляд:

Широкие жизненные горизонты персонажа “Он” прочерчиваются между континентами и культурами, среди опасностей, напряжения и недостаточного комфорта. Автор пристально наблюдает за человеком, осмысляющим свое одиночество и перспективу немолодых лет, хотя многочисленные приятели, коллеги, и просто незнакомые прохожие не покидают его мысли. Калейдоскоп личных сцен в местах, где культурному, образованному и общительному человеку радостно и свободно и, конечно, картины, когда он вместе с ней, счастливо разделяющей подобные часы (“*an ornament to the wondering and troubled years of the second half of the twentieth century*”), слагаются либо из прошлого общения пары, либо как предвкушение предстоящей, и ставшей неудачной и последней, встречи.

3.1.2. Параметр авторский голос:

Автор рассчитывает, что его слова вызывают уважение к персонажу “Он”, а авторский голос вливается в реплики изображенного человека. “Он” – профессионал на международной службе. К своей даме относится искренне, но в пределах отдельных встреч и в меру того, насколько она того желает. В будущее не заглядывает; стремясь к ней, восхищается ею, уважает и ценит ее, не злоупотребляя ее восторженностью. Он способен нравиться ей с ним интересно, он чуток к смыслам слов и наблюдателен к людям, но становится независим и неуступчив в том, что для него важно, а жертвовать своими профессиональными интересами не способен.

Из-за этого в его отношении к персонажу “Она” есть запретная тема семейной перспективы, которая обходится в словах неопределенного смысла. Все же “Он” не выглядит непорядочным человеком, обманывающим женские ожидания, поскольку с самого начала их отношений заложил правила игры, в пределах которых держался открытым, честным, чутким, любящим и следил за собой, чтобы слова при встречах не будили между ними образы матримонильного плана. Персонажа “Она”, по всей видимости, это устраивало, или она создавала вид, что это так.

Оберегая подступы к недопустимой теме с первых слов приветствия, как это в анализируемом нами фрагменте, “Он” шутками предупреждает свою даму, что у них каждый вечер как первый и последний. Из-за этого “Он” пользуется средствами навеивать неопределенность, включая неисчисляемые, именно в связи с невозможностью для них заглядывать в будущее. Во всем другом, этот персонаж вполне риторически конкретен.

3.1.3. Параметр авторский тон:

Все сказанное автором о персонаже “Он” несет тонально окрашенный смысл, что проверяется по эмоциям, с которыми мужчина воспринимается. Теплой волной растекается раскрепощенная любезность человека, пережившего чувство облегчения после хорошо исполненного дела – сгущается грусть при мысли о перспективе немолодых лет – ощущение иностранца в другой стране – легкая ирония вместо сентиментальности – сдержанность и ровность, когда начинает говорить чувство собственного достоинства. Он критичен в отношении к самому себе, в особенностях при нелепой встрече с соперником, но соотечественником, с кем он вынужден общаться усилиями своей бывшей дамы.

3.1.4. Параметр авторская динамика:

Коммуникативная динамика, положенная в основу текста, ниспадает до полного разрушения ситуации. На этом фоне персонаж “Он” выглядит человеком способным контролировать ход общения, но тогда, когда для этого есть разумная почва. Такие его качества проявляются в поступательных, серийных попытках корректировать развитие событий в направлении своего сценария. Он не настаивал на отношениях с дамой, но контакта не

разрушал, поддерживая и упрочивая связующую нить, покуда отношения имели смысл. Ситуацию разрушила персонаж “Она”, постепенно подводя к полному разгрому всего хорошего, что связывало двоих людей.

3.1.5. Параметр авторский вкус:

Вкус можно объяснить как авторское предпочтение моделей поведения и отношения к окружающей действительности по причине, что такой выбор красив, гуманен и возвышает человека над разрушительными страстями.

Персонаж “Он” достаточно последовательно проявляет вкус воспитанного и мужественного человека, ценящего истину и жизнерадостность, любит свое дело и иногда позволяет себе изысканно и культурно отдохнуть. Обладает чувством собственного достоинства, целеустремленный в общении, открыт и правдив, посему свободен от терзаний совести.

Персонаж “Она” допустила несколько поступков, противоречащих хорошему вкусу в отношениях с окружающими.

3.1.6. Параметр авторская позиция:

Мужчина – профессионал достоин уважения, при этом человеческое достоинство неприкасаемо, а человек, испытывающий радость жизни, насколько то позволяют обстоятельства, притягателен. Женщину, позволившую себе месть на фоне исполнения мужчиной профессиональных обязанностей, следует простить и забыть.

3.2. Каждый из авторских параметров целого текста в узком проявлении на протяжении избранного отрывка

Данный обзор уточняет, как соотносится каждый из авторских параметров, наблюдаемый в пределах анализируемого отрывка, отмеченного повышенной авторской потребностью в неисчисляемых существительных, в том числе в комбинациях с другими эффектами неопределенно-абстрактного смысла.

	Он	Она
Неисчисляемые	<i>spirit, division, tea, hell, drink, world, voice, feudalism, democracy</i>	<i>tea, tea, lemon, E. = land</i>
Другие способы	<i>neutral “it”, indefinite pronoun, wrong, inf., home, E. = land, interjection, passive inf., particles</i>	<i>papers, interjection, inf., interjection, interjection, neutral it</i>

Рис. 7. Авторский выбор средств для создания эффекта неопределенности в ролевом тексте каждого персонажа

3.2.1. Ситуативный авторский взгляд VS неисчисляемые: Этот авторский параметр определяется нежеланием персонажа “Она” открыто выразить известный ей факт окончания отношений с человеком, которого она сама вызвала на встречу; она продлевает слабую связь с некой целью.

“Он” безукоризненно исполняет принятый ранее между ними стиль отношений под условным названием “здесь, сейчас и в полной мере, не заглядывая ни в прошлое, ни в будущее”, из-за этого встреча начинается с туманности восхищенного взгляда (*spirit, division, tea, hell, drink*), как при первом знакомстве. Это один из трех случаев потребности автора в неисчисляемых для, в целом риторически корректной, роли мужчины в данном фрагменте, другие подобные два связаны не столько с взглядом, сколько с ситуативным авторским голосом (*См. дальше*). Первая упомянутая, мужская “позитивная взглядовая” неопределенность, призвана послужить защитной счастливой пеленой, оберегающей коммуникативный контакт.

Поскольку его ситуативный сценарий встречает противодействие с ее стороны (*Она: tea, tea, tea, lemon, E. = land, papers, interjection, infinitive, interjection, interjection, neutrality*), он обостренно внимателен к признакам предполагаемой проблемы и активен в восстановлении контакта.

3.2.2. Ситуативный авторский голос VS неисчисляемые: Персонаж “Она” умственно уже пребывает в иной ситуации, противоположной планам персонажа “Он”, но ей хочется совершить нечто, о чем ей не хватает духу сказать прямо в анализируемом фрагменте. А именно: показать двух мужчин друг другу, наглядно выразив тем самым упрек первому, поскольку он не предложил ей выйти замуж, а уезжал все время по службе в опасные и далекие места. Из-за такого настроения “Она”, в большей степени немногословно, отвлеченно и невнятно выражаясь, по сути, затягивает время и противостоит прежнему контакту (*Tea, please... I’m so glad to see you... No ... Ch. shook her head... I just want tea... With lemon, please... Ch. said... How was E.?... Ch. asked ... That’s what it said in the papers...*).

С непредвиденной проблемой при встрече связан второй случай (*См. выше: первый в связи с ситуативным взглядом*) из трех обращений риторически корректного персонажа “Он” к неисчисляемым существительным (*That’s a hell of a drink to welcome a traveler home on ... B. said*). Это звучит авторский голос в шутливом упреке, что якобы дама нарушает известные античные традиции должанных встреч мужчин после опасных плаваний. При этом мы наблюдаем еще одну позитивную и контактную неисчисляемость в сочетании с другими средствами выражения неопределенно-отдаленного смысла, но теперь это не “взглядовый”, как до того, а “голосовой” случай.

Третий случай неисчисляемых существительных в ролевом тексте “Он” предстает завуалированным замечанием, но в сравнении со вторым, “голосовым” случаем (*См. выше*) не питает контактность, а предостерегает от недопустимой иронии с ее стороны в отношении его работы. Таким образом, с ситуативным авторским голосом связаны два из трех фрагментов неопределенно-расплывчатого смысла в высказываниях мужчины: вторая – контактная голосовая неопределенность, а третья – голосовая неконтактная и останавливающая.

3.2.3. Ситуативный авторский тон VS неисчисляемые: Радостный и шуточный тон традиционного приветствия (Он: *The spirit of Paris...B. said, touching her hand on the table... American division. What'll it be to drink?*), которое как бы знакомство начинает сначала, потерян при первом ответе персонажа “Она”. Загадочная отчужденность ее слов и поведения (Она: *No ... Ch. shook her head... I just want tea... With lemon, please*), а более того, небывалая ироничность высказываний в его адрес (Она: *How was E.?... Ch. asked ... That's what it said in the papers...*) приковываютнастороженное внимание персонажа “Он”. Мужчина вместо любования дамой и наслаждения раскрепощенным отдыхом, начинает анализировать и испытывать вопросами ее отчужденность. “Он” умело пользуется широким диапазоном тона ради достижения прежнего контакта, чутко к модуляциям ее голоса. “Она” не внемлет его тону, а своими соответствующими природными данными пользуется примитивно, больше подыскивая ноты, противоположной эмотивности. К примеру: Он: “...*That's a hell of a drink to welcome a traveller home on...B. said...*”; Она: “*With lemon, please...Ch. Said...*”; Он: “*B. shrugged, and ordered one tea from the waiter*”.

3.2.4. Ситуативная авторская динамика VS неисчисляемые: Туманной отчужденностью противодействуя душевному контакту, предложенному мужчиной, дама по сути усиливает его попытки нейтрализовать холодную недосказанность и повести за ее собой (*шуточные фразы о ней как парижанке и американке, о традициях встречать путешественников, о звучании официальных новостей*).

3.2.5. Ситуативный авторский вкус VS неисчисляемые: Персонаж “Он” не намерен огорчаться при ее каждом разочарывающем слове, а по – мужски, сдержанно инициативно предлагает решения. “Он” уступчиво заказал чай для дамы – почему-то на этот раз полной противнице спиртного, но пригласившей его “немного выпить” – поскольку было бы негуманно и неэлегантно лишать ее желаемого напитка, даже если он сам планировал иначе (*B. shrugged, and ordered one tea from the waiter*). Однако на ее иронию на тему его службы он реагирует твердо (... *Oh, yes... B. said ... A new world struggling to be born ...he said... his voice deep and expert... Too late for feudalism, too early for democracy*). Все же, следует отдать должное его вежливости, поскольку свои неприятные ощущения по поводу ее неуместного вторжения в его дела он украсил абстрактными словами.

3.2.6. Ситуативная авторская позиция VS неисчисляемые: Для человека коммуникативно грамотного и активного, каким является персонаж “Он”, неопределенность высказываний и ответов партнеров не представляет препятствия в общении: он умеет доискиваться до сути. К тому же, в качестве исключения, то, что неуместно в общении с ним, этот персонаж в свою очередь обозначает достаточно широким выбором средств выражения неопределенности, неисчисляемыми существительными включительно.

Выводы

Данная статья, мы надеемся, стала достаточно убедительным материалом о лингвистической, коммуникативной и когнитивной корректности исследований в области соответствия между авторскими параметрами текста и их лингвистическим выражением. Более того, проведенная работа расширила представления о функции английских неисчисляемых и исчисляемых существительных в зависимости от особенностей развития содержания авторского текста. При этом обнаружилось гибкое соотношение между общим смыслом целого текста, семантикой избранного фрагмента и функцией грамматических форм на обозреваемом участке. Неисчисляемость английских существительных предстала как один из каналов специфического смысла, способных тонко и многообразно модулировать содержание всего текста.

В дальнейшем мы намерены рассматривать другие английские лингвистические формы по их вкладу в воплощение авторского смысла, равным образом углубляя познания об авторских параметрах текста вообще.

Литература:

1. Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка / Г. В. Колшанский // Москва: Наука, 1984. – 175 с.
2. Миронова Т.Ю. Генезис англоязычного отношения к исчисляемым и неисчисляемым существительным и их функция в авторском тексте // Психологія. Мовознавство. Соціальні комунікації. Збірник наукових праць ДВНЗ “Переяслав-Хмельницький державний педагогічний університет імені Г. Сковороди”, випуск 8. / Т.Ю.Миронова. – Переяслав-Хмельницький : ПП “СКД”, 2011. – 224 с. – С. 119 – 126.
3. Шоу И. Рассказы. // Вечір у Візантії: Роман (переклад з англійської. – “Ада” – “Атіка”) / И. Шоу. – 1993. – 448 с.
4. Baker Sh. and Stevenson D. Problems in Exposition. Supplementary Exercises for The complete Stylist. / Sh. Baker and D. Thomas Stevenson. – Y. Crowell Company. – New York, 1972. – 154 p.
5. Calkins McCormick L. The Art of Teaching Writing / L. Calkins McCormick. – Portsmouth: Heinemann, 1989. – 347 p.
6. Maslow A. Peak Experiences in Education and Art. // Human Values by Joseph A. Zaitchik and Roger E. Wiehe / A. Maslow. New York: Brown and Benchmark, 1993. – 525 p.
7. Norton S. and Waldman N. Canadian Content / S. Norton and N. Waldman. Canada: Hoft, 1988. – 371 p.
8. Oxford Advanced Learners Dictionary // 7-th edition. Oxford: Oxford University Press. Impression 2008. – 1780 с.
9. Shaw I. Short Stories. Five Decades / I. Shaw. – New York: Dell Publishing Group, 1978. – 872 p.
10. Trimmer J. F. and McCrimmon J. M. Writing with a Purpose / J. F. Trimmer and J. M. McCrimmon. – Boston: Houghton Miffling Company, 1988. – 524 p.
11. Vygotsky L. S. Thought and language / L. S. Vygotsky. – Cambridge, MA: The MIT Press, 1962. – 202 p.
12. Weissberg R. and Buker S. Writing up Research / R. Weissberg and S. Buker. – New York: Prentice Hall, 1993. – 202p.